

18. Ключников Ю. Версальский мирный договор. II. Содержание мирного договора // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1928. Ст. 342.
19. Кожин В.В. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: Вече, 1999. С. 15.
20. Криштапович Л.Е. Наша общерусская история // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 53-64.
21. Кульков Е.Н. Оккупационная политика агрессоров // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 385-402.
22. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 16-67.
23. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. – М.: Политиздат, 1975. – С. 360.
24. Ленин В.И., Сталин И.В. о социалистическом государстве и советской демократии. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 623.
25. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 2019. – 60 с.
26. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 148.
27. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. / Пер. с нем. – Tallinn: Shildex, 1998. – С. 349.
28. Троцкий Л. Красная Армия // Ежегодник Коминтерна. 1923. С. 251.
29. Уляницкий В.А. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 488 с.
30. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.
31. Шабайлов В.И. Союзное государство Беларуси и России как форма ассоциированной федерации // Право в современном белорусском обществе: Сборник научных трудов. Вып. 3. / ИГП НАН Беларуси. – Минск: Белорусская наука, 2008. – С. 4-15.

Н.А. БЕРДЯЕВ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Ивонина О.И. (г. Новосибирск, Россия)

Исторический опыт Бердяева вместил в себя две мировые войны, две революции в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало «холодной войны». Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями, носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто универсально значимое для судеб мира и человечества. Не случайно Бердяев считал моральным *credo* историка *абсолютную ответственность человека-микрокосма за все исторические события*, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Бердяев всегда искал альтернативу сформулированной идеологами Просвещения концепции всемирной истории, безнадежно устаревшей в XX веке. Критика идеи прогресса превратилась у Бердяева в годы Первой мировой войны в критику интеллектуального наследия эпохи Модерна и приобрела новую тональность. Позитивистский историзм казался русскому автору достоянием благополучного XIX века, отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось незыблемым приобретением человечества – прочность культурных устоев комфортной и уважаемой истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX вв., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального* в человеческой природе [8, с.322].

Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков, по мнению мыслителя, безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего [1, с.411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, модернистского по сути проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности. Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [6, с.114].

Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой к Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других представителей русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову) указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.

Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Н.А. Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Глобальный конфликт, инициатором которого стали «цивилизованные» народы Европы, опрокинул мир в эпоху «Нового варварства». Ее символами стали для Бердяева культ техники (апогеем которого стало создание и использование оружия массового уничтожения, формирование технократических элит), маргинализация общества, милитаризация сознания и поведенческих стандартов населения, тотальная манипуляция массовым сознанием, внеэкономические методы принуждения, мобилизационный тип экономики, кризис либеральной демократии в процессе транзита европейских государств к тоталитаризму [6, с.167-168].

Самосознание человека Нового времени как эпохи освобождения человека из плена сословно-корпоративных и этноконфессиональных ограничений, внеэкономического принуждения и подчинения властным авторитетам, оказалось иллюзорным. В эпоху господства техники, демократии, общественного мнения, прессы, биржи и парламентаризма появляются, по мнению философа, лишь новые формы зависимости человека от общества, новые, более действенные, чем прежде, формы контроля, которые способствуют утрате индивидуальности и всеобщей стандартизации [9, т.1, с.416].

Антизападный критицизм Н.А. Бердяева был настолько силен, что он отверг существование «Запада» как единой культурно-исторической общности. Мыслитель отмечал: «...вот грянула мировая война и разрушила призрак единой Европы, единой европейской культуры, единого духовного европейского типа. Сегодня Европа – неустойчивое образование. В самой Европе скрыты самые противоположные начала, самые враждебные стихии, самые взаимоисключающие духовные типы» [6, с.126].

Не только светская культура Европы казалась Бердяеву непрочной. Он отверг наличие и той духовной христианской «почвы», на которой основывалась гуманистическая культура Европы периода Средних веков и Нового времени. Наиболее неблагоприятной казалась ему в этом отношении Центральная Европа, в первую очередь, Германия. Автор писал: «Ни расизм, ни антисемитизм не есть нечто неожиданное в Германии, это старая болезнь германского духа, свидетельствующая о том, что христианство недостаточно переработало и преобразило глубинный слой германского язычества» [8, с.350].

Впечатления от Первой мировой войны оказались у Н.А. Бердяева настолько сильными, что он всю оставшуюся жизнь считал ее системообразующим фактором всей Новейшей истории. Мировые события после 1914 г. представлялись ему лишь продолжением этой катастрофы. Послевоенное развитие мира, в котором усиливались авторитарные, коммунистические и национал-социалистические движения, Н.А. Бердяев оценивал с позиций своего исторического пессимизма. В книге, написанной во второй половине 40-х гг., мыслитель писал: «Мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором революция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности. Мы живем в хаотическом мире, в котором свобода представляется непозволительной роскошью, а на вершинах цивилизации происходит элементаризация...» [10, с.323].

Переживание событий мировой войны и послевоенного времени усилило интуицию *альтернативно-всемирной истории*. Послевоенная история казалась Бердяеву конкуренцией трех альтернативных тенденций мирового развития, трех вариантов выхода из кризиса, переживаемого современной цивилизацией:

1) Исход фатальный или «хаос конца»: продолжающийся распад мировой капиталистической системы, гонка вооружений, чреватая гибелью мира в ядерном Апокалипсисе, война всех против всех.

2) Создание нового, насильственного и механистического порядка – «организованности, не оставляющей места свободе», ведущей к тотальной деспотизации мира.

3) Преодоление социального и культурного хаоса, синтез общечеловеческих ценностей с идеалом социальной справедливости.

Первая альтернатива современного развития проявляется, по мнению философа, в *цивилизационной унификации мирового развития*. Война подтвердила справедливость прогноза как самого Бердяева, так и его оппонентов в лице Ленина и Гильфердинга, о расширении капиталистической цивилизации на Восток средствами империалистической экспансии. Для Бердяева эта тенденция свидетельствовала о попятном движении всемирной истории, от окончания зрелого Модерна (капиталистической цивилизации) к началу эпохи нового Средневековья [9, т.1, с.422].

В «Пробуждении Востока», в национально-освободительных движениях афро-азиатских народов Н.А. Бердяев увидел все то же торжество внутренне исчерпанного «Запада», передающего многомиллионным народам Индии и Китая самые дурные стороны европейской цивилизации: материализм, национализм, социальную атомизацию массового общества, упоение техническим прогрессом. Заимствованные у европейцев современные технологии Восток, по мнению философа, станет использовать инструментально – в качестве средства противостояния с Западом в экономической и военно-политической сфере, приближая, тем самым, собственное возвышение и «падение Европы» в силу утраты ею роли эталона мирового развития [3, с.199].

Наряду с мировой цивилизационной унификацией действует и вторая тенденция, отмеченная Н.А. Бердяевым, – *тоталитарная революция*, создание принудительно организованных сообществ. Мыслитель считал, что первая и вторая тенденции мирового развития связаны между собой, т.к. разрушая культуру, цивилизация возвращает «внутреннее варварство» на своей собственной почве. По его словам, «в цивилизации начинают обнаруживаться процессы варваризации, огрубления, утраты совершенных форм, некогда выработанных культурой» [4, с.172].

«Новые варвары», люди массового общества, становятся преобладающей политической силой. Тоталитарные революции, подготовленные буржуазным обществом, оставляют человечество в пределах *цивилизации*, но меняют *социальную форму* последней. Буржуазная цивилизация сменяется индустриальной, превращая жизнь миллионов в «огромный и организованный производственный процесс, в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знание» [5, с.52].

Н.А. Бердяев был в числе тех, кто считал противостояние с либерализмом и индивидуализмом общим свойством большевизма, фашизма, национал-социализма и прочих версий тоталитаризма XX века. По его мнению, все тоталитарные режимы стремятся к контролю над массовым и индивидуальным сознанием, устраняя свободу даже из мира душевных переживаний личности. Автор утверждал: «все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т.е. происходит возврат к средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве» [2, с.40].

Глубинным сходством тоталитарных режимов мыслитель объяснял их враждебность культуре, демократическим свободам и уважению человеческого достоинства, наглядно проявившиеся в политике послевоенной России, Германии, Италии. Страна философов и поэтов оказалась в тридцатых годах местом гонения духа: «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов, часто преувеличенный и смешной, теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» [8, с.341].

Победу тоталитарных тенденций в развитии послевоенного мира Н.А. Бердяев считал разрывом Запада с наследием эпохи гуманизма и Просвещения, аналогично торжеству феодальной реакции в Европе после Наполеоновских войн – «внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции» [9, т.1, с.393-394].

Тоталитаризм как форма «нового варварства» обращается к архетипам сознания и переустраивает общество на началах традиционализма и архаического коллективизма. Тоталитарное общество доводит до предела инфермальную эсхатологию цивилизации, демонстрируя возможность «повторного варварства» – реакционного восстания маргиналов против достижений мировой и национальной культуры. По мнению Бердяева, это восстание свидетельствует о необратимом регрессе культуры, преобладании попятных и даже тупиковых траекторий всемирной истории. «Новое варварство» в принципе не способно к аккультурации, подобно варварам эпохи Раннего Средневековья. Н.А. Бердяев писал: «...ныне европейской культуре грозит напор варварства изнутри и извне. Это почувствовалось уже, когда началась мировая война, и чувство это достигло особенной остроты, когда разыгралась русская революция...Революционное варварство бурно вступает в мир уже глубоко испорченным лживыми антихристианскими идеями, искаженным рассудочным полупросвещением, с извращенной массовой психологией, с претензиями ложной массовой субкультуры» [7, с.225].

Таким образом, тоталитаризм как реакция на ценности Модерна открывает новую эпоху в истории человечества, названную автором «Новым средневековьем» по аналогии со временем крушения античного мира.

Параллельно с ужасающими картинами агонии Новой истории и погружения в ночь тоталитарного «нового Средневековья» Н.А. Бердяев рассуждал о третьей тенденции послевоенного развития – новом духовном возрождении человечества, «новой творческой эпохе». Вместе с тем, Н.А. Бердяев не считал тенденцию к духовному возрождению человечества господствующей – в силу своей приверженности историческому пессимизму и трагическому пониманию истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин: Обелиск, 1923. 270 с.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. 383 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. 176 с.
5. Бердяев Н.А. Социальный кризис культуры // Новый град. – 1932. – № 3. С. 46–53.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Прометей, 1990. 158 с.
7. Бердяев Н.А. Философия неравенства – Л.: Лениздат, 1991. 440 с.
8. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. Республика, 1994. 480 с.
9. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994: в 2 т. Т.1. 542 с.
10. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. 382 с.